

ЭКСПЕДИЦИЯ: ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ — ИСТОКИ РОДНОЙ РЕЧИ

«ОТО НЕГОЛА И ОТО ГОВЕНА КО ДУРДЕВИ...» АНТРОПОНИМИЯ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В.О. Максимов

Информационно-исследовательский центр «История Фамилии»
проспект Мира, ВВЦ, павильон «Центральный», офис № 17, Москва, Россия, 129223

В статье рассматриваются некоторые особенности формирования и функционирования древнерусского личного именника, которые стали достоянием лингвистики благодаря найденным в ходе археологических раскопок второй половины XX — начала XXI вв. в Великом Новгороде многочисленным берестяным грамотам.

Каждый год 26 июля в Великом Новгороде отмечается необычный праздник — День Бересты. Именно в этот день в 1951 г. здесь на Неревском раскопе была найдена первая берестяная грамота.

Последующие находки коренным образом изменили представления ученых об истории древнерусского языка и всей Древней Руси. Открытие многочисленных берестяных грамот убедительно показало, что уровень грамотности в среде русских горожан уже в XI—XV вв. был довольно высоким. Былые утверждения о почти поголовной неграмотности и отсталости наших предков оказались заблуждениями. Поражает сам состав авторов и их адресатов. Это и бояре, и воины, и простые ремесленники. Более того, среди них есть и женщины, и даже дети. Между прочим, именно женская грамотность в средневековье рассматривается учеными как один из важнейших признаков высокого уровня культуры того или иного народа. А обучение грамоте новгородских детей говорит о том, что данной проблеме новгородцы уделяли очень большое внимание.

Однако не стоит думать, что письмо было распространено только в городской среде. Политическое устройство земель Новгородской феодальной республики было таково, что основная масса землевладельцев предпочитала проживать в столице, умело пользуясь своим аристократическим правом не только избирать, но и быть избранным в различные новгородские «руководящие органы». А их

земельные владения могли находиться за многие сотни километров от города. Кстати, значительное число берестяных грамот составляют письма крестьян к своим феодалам, присланные из различных селений новгородской «глубинки». Этим и объясняется тот факт, что находят берестяные грамоты в основном на городских раскопах. Просто здесь они сохранились, скажем так, в большей концентрации.

Разумеется, не привлекали бы берестяные грамоты столь пристального внимания ученых, если бы были лишь свидетельством массовой грамотности наших предков. В отличие от летописей, которые уделяли внимание лишь значимым вопросам в масштабах всего общества, «берестяная переписка» носит более бытовой характер. В теперь уже далеком 1985 г. суть содержания этой переписки ярко и образно охарактеризовал всемирно известный археолог, историк В.Л. Янин: «Они (берестяные грамоты) написаны по разным поводам, большей частью преходящим, вводят нас в мир повседневных забот их авторов и адресатов, позволяют разделить их радость, скорбь, гнев, нежность. Они открывают нам сотни имен давно забытых людей, именно тех, кто были подлинными творцами культуры народа и его истории» [4. С. 86]. Вот уже более 50 лет новые и новые находки дают огромный материал для исследования представителям различных направлений науки.

Невозможно переоценить и значение берестяных грамот для изучения живого разговорного языка, речевого этикета и, конечно же, именника древних новгородцев. Мы же ограничимся лишь некоторыми наблюдениями над употреблением в берестяных грамотах личных именований.

Бытует мнение о том, что появление большого числа различных форм канонических христианских имен связано с неграмотностью древних русичей. Мол, не мог простой русский крестьянин воспроизвести услышанное им из уст священника замысловатое крестильное имя, не мог его, разумеется, и прочитать, чтобы понять и усвоить истинное произношение. Оттого и появлялись «простонародные» формы этих имен. Но тут, пожалуй, вновь следует вспомнить о довольно высоком уровне грамотности наших предков. Раз уж этот факт ныне доказан, стало быть, и причины возникновения «русских» вариантов православных имен следует искать не в отсталости восточных славян. Ведь не мог грамотный человек не знать истинного написания своего имени, имени своей жены, детей, друзей, соседей и тем более своего феодала и членов его семьи (этикет предписывал обращаться в хозяину в уважительной форме). Разумеется, знал и не раз читывал, открывая церковный календарь или молитвенник. Просто правильнее будет говорить не об ошибочном употреблении церковных имен нашими предками, а об их сознательном «имятворчестве», т.е. о признаваемом всеми за правило стремлении сделать эти имена удобными для употребления в родном языке, в конкретном диалекте.

Странные, на наш современный взгляд, трансформации христианских имен в речи русских людей начала II тысячелетия не покажутся удивительными, если мы вспомним, что за прошедшее столетие и сам русский язык изменился весьма и весьма значительно.

С точки зрения современного литературного языка совершенно необъяснимой и даже смешной кажется цитата из берестяной грамоты первой половины XII в., вынесенная нами в заголовок этой статьи, которая в оригинале выглядит примерно таким образом: «Ото Негола и ото Говена ко Дурдеви...» А между тем приведенные в грамоте имена имеют весьма достойное и даже возвышенное значение. Например, имя Негол или, иначе Негл, восходит к общеславянскому слову нега (забота, внимание, радость). Имя Говен образовано от слова говеть, одно из древнейших значений которого «благоговеть». А третье имя есть не что иное, как редчайшая форма церковного имени Георгий (его окончание в грамоте не сохранилось: письмо могло быть адресовано самому Дурдеви или же его жене, которую именуют, как это было принято в те времена, «по мужу» — Дурдевия) [2. С. 324].

Пример календарного имени Георгий, которое на русской почве получило два ставших самостоятельными именами варианта звучания — Егор и Юрий — вообще показателен. В древнейших новгородских берестяных письмах (например, середины XII в.) оно встречается в основном в форме Гюрьги или (реже) — Гурьги, Герьгии, Герьги, Горьги и даже Дурди. А с XIV в. появляются новые варианты этого имени. Сначала Юрьги, Юрьгии; потом Юрьи, Июрьи, а от него уже образуются другие уменьшительные формы: Июра, Юрка, Юрко. Именно по берестяным грамотам мы можем проследить весь процесс «превращения» Георгия в Юрия. А форма Егор или, как нередко говорили в прошлом, Егорий возникло в других русских говорах.

Тщательное исследование текстов берестяных грамот было проведено выдающимся русским ученым-филологом А.А. Зализняком. Его монография «Древненовгородский диалект» выдержала уже два издания (1995 и 2004 гг.), причем объем исследуемого материала во втором издании за прошедшие 10 лет вырос на 30% — все это за счет новых берестяных грамот, найденных после 1994 г. И каждый год лишь увеличивает число таких находок.

Однако не стоит думать, что на Руси в таком почете грамота была лишь у новгородцев. За прошедшие десятилетия берестяные письма были обнаружены и в других городах: Старой Руссе, Торжке, Пскове, Твери, Москве, Смоленске, Звенигороде Галицком, Витебске, Мстиславле, Нижнем Новгороде, Старой Рязани. Число их не столь велико: подавляющее большинство находок имеет новгородское происхождение (собственно, к новгородским памятникам можно отнести и найденные в Старой Руссе — одном из крупных центров Новгородской феодальной республики). Это объяснимо. Сырая и глинистая новгородская почва (в этом ее особенность) оберегала древние письмена от главной опасности, приводящей к их разрушению — от наличия воздуха и, следовательно, окисления, развития уничтожающих их микроорганизмов. Это и позволило берестяным грамотам, как и прочим органическим материалам (изделиям из дерева, ткани, кожи, кости) сохраниться в целости и сохранности на протяжении многих веков.

Особую ценность берестяные грамоты имеют и по той причине, что охватывают они период с XI по XV вв. Для ученых это не просто исторические вехи. Дело в том, что с конца XV в., т.е. со времени присоединения Великого Нов-

города к Московской Руси, сохранилось большое число новгородских писцовых и переписных книг. Начиная с этого времени, наука располагает достаточным материалом, например, для изучения постепенного изменения новгородского именника. А открытие берестяных грамот позволило узнать о том, как эти процессы происходили в более ранний период, что еще в середине прошлого столетия казалось абсолютно невозможным. Кроме того, берестяные письма предоставляют ученым более «чистый» материал, написанный носителями новгородского диалекта, людьми, жившими теми культурными традициями, которые весьма сильно отличались от московских. И опять сошлемся на краткое, но удивительно содержательное высказывание В.Л. Янина, сделанное им более 20 лет назад: «Благодаря берестяным грамотам прошлое стало говорить с современным человеком не таинственным языком предметов материальной культуры, а живой речью самих владельцев и создателей таких предметов» [4. С. 86]. Таким образом, теперь мы имеем реальную возможность изучать древнейший период русской истории, первые века бытования письменности на Руси не в более поздних летописных списках, а обращаясь к многочисленным «первоисточникам», читая и даже «слыша» живую речь наших предков. Связь времен, ранее казавшаяся безвозвратно разорванной, восстановлена.

Анализ употребления личных имен в берестяных грамотах, проведенный А.А. Зализняком, открыл любопытнейшие факты. Ученый установил, например, что уже в XI — первой четверти XII вв. христианские имена и образованные от них отчества в новгородских письмах составляли весьма внушительный процент (28 и 39 от общего числа именовании, упоминаемых в берестяных грамотах), а к XV в. христианский элемент в таких именовании превысил 90%. Кроме того, выяснилось, что до XIV в. лица, упомянутые в берестяных грамотах, именуется чаще лишь одним именем (христианским или древнерусским) или же «с отцы», т.е. с отчеством, которое также могло быть образовано, как от христианского, так и от мирского имени отца, причем явно преобладают отчества, образованные от нецерковных имен («христианские» отчества составляют лишь 15%) [2. С. 213, 215]. Без сомнения, выбор имени, от которого образовывалось отчество, был связан с тем, какое из имен отца (церковное или мирское) обладало более индивидуализирующей силой — наиболее четко указывало на конкретного человека. Причин, почему столь живучими в этом качестве оставались имена мирские, как минимум две. Первая — «прозрачность» исконно русских имен и прозвищ и, соответственно, их большая «запоминаемость» [2. С. 215]. Но важную роль в этом играл и тот факт, что мирской именник был значительно более разнообразным. Число древнерусских имен, в отличие от имен христианских, было практически неограниченным, а, как известно, в первые века распространения на Руси православия, христианский именник был значительно более скромным, даже по сравнению с современными святыми. Но уже к XIV в. большинство упоминаемых в берестяных грамотах отчеств оказались «христианскими». Одновременно увеличилось число примеров упоминания человека под двумя именами: как правило, с крестильным и мирским. Это оказалось довольно неожиданным. Ведь ранее считалось, что официальная форма именовании человека двумя

именами (крестильным и мирским) имеет непрерывную традицию, восходящую к дохристианским временам и обычаям того периода. Действительно, такая традиция явно прослеживается в русских документах вплоть до середины XVII в. Но в XI—XIII вв. ее нет. Получается, что древние новгородцы о таком обязательном правиле просто не подозревали.

Однако вряд ли стоит искать в этом открытии причины для кардинального пересмотра нашего представления о системе именования древних русичей. Вероятнее всего, причины таких расхождений в грамотах XI—XIII вв. и, например, XVI—XVII вв. связаны с другим явлением, а именно, с уже упоминавшимся резким сокращением именика. В этом смысле большой интерес представляет грамота № 36 найденная в Старой Руссе и датируемая 20—50-ми годами XII в. В ней перечисляются имена должников: Перенег, Сбыслав, Братонег, жена Пляша, Стойнег, жена Заида, Ремья, Сушко, Якша, Жаден, жена Небереши, Малята, Сдан, Носатка, Сестрата, Путила и Путила Носович. Как мы видим, все должники упоминаются с одним именем (а три женщины даже не под своими именами, а по имени мужа). Уточнение сделано лишь для Путилы Носовича, имя которого совпадает с именем другого должника, что и потребовало соответствующего уточнения.

Богатый древнерусский именник практически исключал повторения имен. Там же, где они случались, на вырубку составителю документа приходили отчества, не менее разнообразные, чем сами имена. Но, как мы увидели из анализа древненовгородского именника, проведенного А.А. Зализняком, к XV в. у новгородцев церковные имена практически полностью сбрасывают с «первых мест», т.е. из употребления в качестве основных имен, в письмах и из обихода имена древнерусские. Ведь большинство берестяных грамот отражают бытовой язык и правила бытового общения. Соответственно, «христианизируются» и отчества. В результате при составлении грамот оказывается, что при перечислении значительного числа лиц возникает путаница — большое число повторений одинаковых имен и отчеств. Вот тогда-то мирские имена и получают «вторую жизнь». Но их роль в русской системе именования уже сильно отличается от исконной. Они начинают превращаться в известные нам и сегодня прозвища, которые в тот период еще продолжают использоваться в качестве полуофициальных именовании. В пользу этого говорят и такие факты. Например, по данным Зализняка, наиболее архаический и очень распространенный в грамотах XI—XIII вв. пласт древнерусских мирских имен (Милонег, Ратмир, Святополк, Сновид, Домаслав, Добромysl, Перенег, Полюд и др.) к XIV в. практически исчезает из употребления. Их вытесняют имена, совпадающие с именами нарицательными, часто оформленные уменьшительными суффиксами: Бобр, Боран, Волчко, Жила, Кочанко, Рык, Шило, Щюка и др. [2. С. 216]. Несмотря на несомненную победу в сознании русского человека христианского мировоззрения, именно этот именник и развивается на Руси в ближайшие три столетия и становится причиной огромного разнообразия современных русских фамилий, образованных от нехристианских имен и прозвищ: Волков, Соболев, Рыбин, Чесноков, Рыков, Зыкин и т.д. Но регулярное употребление в документах позднего перио-

да этих имен в качестве дополнительных именовании лиц имеет уже совершенно другое основание. В некотором смысле, даже бюрократическое. Недаром от мирских имен и прозвищ теперь не образуются полноценные отчества. Например, в берестяных грамотах после 1300 г. древнерусские двухсоставные имена в полной форме упоминаются лишь трижды и только в составе отчеств: в XIV в. — Станимирович и Твердиславич, а в XV в. — Буйносов (и то лишь в форме, которая спустя столетия получит официальное название «полуотчество») [2. С. 216].

Итак, благодаря берестяным грамотам мы теперь довольно точно знаем, как происходило изменение древнерусского именика в новгородских землях в XI—XV вв. К XV в. христианский именьник прочно занимает место основного. Исчезновение основного массива исконных древнерусских имен (не имеющих эмоциональной окраски по отношению к называемому) и замена их именами-прозвищами (некоторые из которых могли даваться и в младенчестве, например, из суеверных представлений или по семейной традиции, а не как реальные прозвища, отражающие какие-либо особенности человека: Ненаш, Дурак, Найден, Некрас, Одинец, Третьяк и т.д.) лишь подтверждает этот переход.

Изучение берестяных грамот позволило ученым сделать немало интересных наблюдений и над изменениями самих форм употребления имен у новгородцев в XI—XV вв. Любопытно, например, что древнейшие имена в форме прилагательных, состоящих из одной основы, имели здесь краткую форму (Мал, Мил, Крив, Лют). Они вышли из употребления одновременно с такими именами, как Станимир, Святополк и др. На смену им «пришли» более понятные нам имена-прозвища Малой, Милой, Кривой, Лютый [2. С. 204].

Другой интересный процесс связан с изменением употребления некоторых обиходных форм мужских имен. Если в XI—XII в. подавляющее большинство форм мужских имен, оформленных формантом -ил соответствует своему «мужскому» роду (Путило, Томило, Данило и др.), то в XIV и, главным образом, в XV вв. многие из них начинают употребляться в форме «женского» рода: Путила, Томила, Данила и т.п., причем на образование отчеств первое время это практически не влияет: они по-прежнему продолжают звучать как Путилов, Томилов, Данилов [2. С. 208—209].

Имена, образованные, например, при помощи суффиксов -к- (Демко, Жадко, Радко, Михалко) или -шк- (Мишко, Домашко, Мирошко) тоже изменяют звучание — одни весьма быстро — уже в ранний период (Мишка, Домашка, Мирошка), другие лишь к XIV—XV вв. (Демка, Жадка, Радка, Михалка). Но в случае с этими именами, одновременно начинают изменяться и образованные от них отчества (Мирошкин, Жирошкин, Тимошкинич). Эта весьма любопытная особенность древненовгородского диалекта стала известна лишь благодаря изучению найденных берестяных грамот. По мнению Зализняка, такое изменение употребления мужских имен связано с общей тенденцией русского языка к употреблению прозвищных именовании в женском роде (примером могут служить и современные русские нарицательные дедушка, сынуля, разиня, рёва и др.) [2. С. 216].

Схожие ли процессы происходили и в восточных русских землях, объединившихся к концу этого периода в государство Московскую Русь, и в других землях восточных славян? Одновременно ли они начались или были результатом заимствования? Многие из таких вопросов пока остаются загадками. Известно, например, что в украинских говорах формы мужских имен типа Юско, Грицко, Федко и в XVII в. оставались преобладающими (хотя встречались и Савка, Захарка и др., а мирские имена и прозвища в такой форме были уже очень популярными: Плишка, Сыроватка, Бабка, Кошулка и др.), в то время, как в большинстве русских говоров к этому периоду возобладали формы на -а (Ивашка, Якимка, Емелька, Мишка).

Раскрытию древних тайн Господина Великого Новгорода поспособствовала сама природа: новгородская почва, как и вообще недра земли новгородской, весьма бедные полезными ископаемыми, оказалась идеально приспособленной для сохранения богатейшего культурного наследия наших предков. Случайно ли это? Хочется верить, что нет.

Открытие берестяных грамот в 50-е гг. прошлого века коренным образом изменило наше представление о многих сторонах жизни древних русичей. И, без сомнения, именно Великий Новгород — древнейший из русских городов, который в 2008 г. торжественно отмечает свой 1150-летний юбилей, в наибольшей степени был достоин стать также и главным хранителем, «новооткрывателем» русских древностей, письменных и иных памятников древнерусской культуры.

Нет сомнений в том, что российская земля хранит еще бесчисленное множество тайн веков и тысячелетий... Но будут ли в их числе находки и открытия столь значительные, как новгородская берестяная библиотека?

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. Изд. 2-е, испр. — М.: Прогресс, 1995.
- [2] Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. — М., 2004.
- [3] Редько Ю.К. Современные украинские фамилии [Диссертация ...]. — Львов, 1969.
- [4] Янин В.Л. Охрана памятников истории и культуры как явление духовной жизни советского общества // Советская культура: 70 лет развития. — М.: Наука, 1987.

«FROM NEGOL AND GOVEN TO DURDI» PERSONAL NAMES OF NOVGOROD BIRCH-BARK LETTERS AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON

V.O. Maximov

Information Research Centre «History of Surnames»
*prospect Mira, Vserossijskij Vystavochnyj Centre,
«Central» pavilion, office № 17, Russia, Moscow, 129223*

The article deals with some specific features of Old Russian personal names viewed in the process of their forming and functioning. These names became the object of linguistic research due to numerous birch-bark letters found in the course of archaeological excavations in the second half of the 20th and early 21st centuries.